

Дорогие читатели!

Эта книга писалась в таком близком и таком далеком 2007 году. Близком, потому что, кажется, это было совсем недавно. Далеком, потому что те, кто тогда родился, уже заканчивают школу, потому что тогда (страшно подумать!) еще не существовало планшетов и смартфонов. Но мы понимали, что скоро компьютер и телефон сольются в один прибор, и придумали комик, сокращение от «коммуникатор», то есть гаджет, который помогает коммуницировать, связываться друг с другом.

Мы долго думали, исправлять ли в тексте «комик» на «смартфон», потому что по смыслу это именно он, но решили оставить как есть. Большинство опрошенных нами читателей нас поддержали.

И вот наступает 2018 год, который мы выбрали, просто отсчитав десять лет от 2008, когда вышло первое издание «Время всегда хорошее». Мы многое угадали: например, компания «Самсунг» начнет выпускать телефоны, которые сворачиваются в трубочку, а в школу вернутся устные экзамены. А вот появление вайбера, мессенджера в Фейсбуке, Telegram, Твиттера и прочих программ предсказать не смогли.

Да, к счастью, не везде подростки перестали разговаривать совсем. Но чем больше город, тем меньше шанс встретить во дворе детей и все больше вероятность того, что дети сидят по домам и общаются виртуально.

Но мы считаем, что главное мы угадали и предсказали — время всегда хорошее!

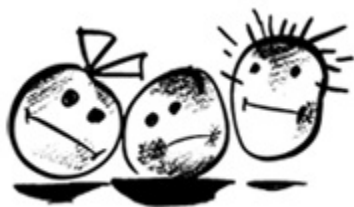
И пусть настоящий 2018 год будет лучше того, что мы описываем!

А 2019-й еще лучше!

С любовью и уверенностью в том, что все будет хорошо.

Ваши авторы

А. Жвалевский, Е. Пастернак

Синичка

10 апреля 2018 года, *утро*

Я проснулась от радостного «ку-ка-ре-ку» и выключила будильник на комике. Встала, побрела на кухню, по дороге включила комп. До первого урока еще час, вполне можно посмотреть, что за ночь в чате написали.

Пока комп грузился, я успела налить себе чашку чая и выслушать от мамы стандартное:

— Оля, куда ты пошла, поешь как человек, за столом в кои-то веки.

— Ага, — буркнула я, стащила бутерброд и отправилась к монитору.

Я полезла в наш чат. Как обычно, интернет ночью жил насыщенной жизнью. Большой Обезьян опять разругался с Птицей. Долго ругались, до двух часов ночи. Вот везет людям, никто их спать не гонит.

— Оля, тебе выходить через полчаса, а ты еще в пижаме!

— Ну щас...

Я раздраженно оторвалась от компа и отправилась одеваться. В школу тащиться страшно не хотелось, тем более что первым уроком намечалась контрольная по математике. Эту контрольную еще не писал ни один класс, поэтому в чате задания не появились, а прошлогодние искать в архиве было лень. Потом физра, история и только один приличный урок — ОКГ. Да и то, чему нас там учат! Печатать? Школьная программа не менялась уже лет десять! Ха! Да сейчас любой нормальный школьник текст быстрее наберет, чем проговорит.

Пока одевалась, я все равно дочитывала вчерашнюю ругню. И тут глаз вдруг зацепился за то, что в ящике, оказывается, есть личное сообщение. Я открыла и... сердце заколотилось часто-часто. От Ястреба...

Сообщение было коротеньким: «Привет! А у тебя парень есть?» — но у меня прям руки затряслись. Ястреб заходил в чат редко, но метко. Иногда как напишет что-нибудь, как

пошутит, так все и сбегаются читать. А однажды он даже стихи свои написал. Ястреб просто мечта всех девчонок. В личке часто только и обсуждали, что Ястреб новенького напишет. А главное, никто-никто не знал, кто он на самом деле.

То, что Ястреб написал мне, Синичке, это было просто как гром среди ясного неба.

— Оля, ты в школу собираешься?

— Щас!

Ох и зачем только куда-то уходить, если вот она, настоящая жизнь. Сейчас бы сесть, спокойно придумать ответ, написать. И болтать, болтать ночами... я аж зажмурилась от счастья. А потом взяла портфель и угрюмо поплелась к двери.

Витя

10 апреля 1980 года, утро

Четвертая четверть самая классная. До летних каникул остается совсем чуть-чуть, каких-то полтора месяца. А самое главное — до выставления годовых отметок. Я очень люблю апрель, а еще больше — конец мая. Еще пара контрольных, сбор дневников... и открываешь последнюю страницу, а там твердые, заслуженные пятерки. И похвальный лист в нагрузку...

Нет, я не задаюсь, но приятно все-таки. Честно говоря, когда меня вызвали к завучу, не сомневался, что услышу что-нибудь приятное. А как вошел и увидел в кабинете старшую пионервожатую, то решил, что это приятное будет связано с моей должностью в отряде. Может, в совет дружины введут? Было бы здорово!

Но угадал я только наполовину.

— Садись, Витя, — строго сказала Тамара Васильевна, наш завуч по прозвищу Васса, — у нас с Таней к тебе разговор как к председателю совета отряда!

Я сел, автоматически подумав: «Перед “как” запятая не нужна, потому что тут оно в значении “в качестве”».

Танечка и Васса смотрели на меня строго. Теперь было видно, что речь пойдет о каком-то важном, но не очень приятном деле. Возможно, о внеплановом сборе металлолома в честь открытия новой комсомольской стройки.

— Помнишь, Витя, — продолжила завуч, — Женя Архипов приносил в понедельник в школу кулич?

Я удивился. Какой-то неожиданный вопрос.

— Булку? — уточнил я.

— Кулич! — Танечка поправила меня таким противным голосом, что стало понятно, именно в этом куличе все и дело.

Я кивнул.

— Что ты киваешь? — вдруг зашипела Танечка. — Языка нет?

На вожатку это было не похоже. Обычно она со мной говорила приветливо и даже уважительно. Не так, как со всеми остальными. Я торопливо сказал:

— Я помню, как Архипов приносил булку... кулич!

— Танечка! Не надо на Витю кричать, — Васса старалась говорить помягче, но у нее это плохо получалось.

Просто вместо обычного металла в голосе звучал... наверное, какой-нибудь мягкий металл. Свинец, например.

— Он же не виноват, — продолжила завуч.

Я вообще перестал что-нибудь соображать. В чем виноват? Что мы эту булку... кулич ели не в столовой?

— Но это же вопиюще... — начала Танечка, но Васса не дала ей договорить.

— Виктор, — сказала она своим обычным командирским голосом, — расскажи нам, пожалуйста, как все было.

Я честно рассказал все. Как Женька притащил булку, как всех угощал, как все ели. И даже Ирку Воронько угостил, хотя они перед этим поругались. И меня угостил. Булка была вкусная, сладкая, только немного подсохшая. Всё.

— А о чем вы при этом говорили? — с угрозой спросила пионервожатая.

— Не помню, — откровенно признался я, подумав.

— Вы говорили о бабушке Архипова, — сообщила мне Васса.

— Да! Точно! — Я обрадовался, что вспомнил нужное: — Он говорил, что она булку испекла!

Две пары глаз так и впились в меня.

— А зачем она испекла этот... эту булку, ты по-мнишь? — голос завучихи звучал вкрадчиво.

Я вспомнил. Мне стало жарко. Теперь понятно, почему меня вызвали.

— Ну... — начал я. — Просто так... Кажется...

— Вот! — обличающе подняла палец старшая пионервожатая. — Вот тлетворное влияние! Витя! Ты же никогда не врал! Ты же председатель совета отряда! Отличник! У тебя папа — партийный работник!

Мне стало совсем плохо. Я действительно впервые в жизни врал старшим товарищам. Но правду мне говорить совсем не хотелось. Поэтому я решил молчать.

— Эх, Виктор, Виктор... — покачала головой Васса. — Разве этому я тебя учила? Разве так поступали пионеры-герои? Разве так поступал Павлик Морозов, имя которого носит наша дружина?

— Между прочим, — добавила Танечка, — мы боролись за это право с пятидесятой школой! И победили!

Завуч строго посмотрела на вожатую, и та осеклась. Видимо, сейчас было не время вспоминать прошлые

заслуги. Я смотрел в пол и чувствовал, как жаркая краска заливает мне щеки.

Мы немного помолчали, и с каждой секундой мне становилось все жарче.

— Итак, — тихо проскрежетала Васса, — ты не помнишь, для чего бабушка Архипова испекла кулич?

Я не пошевелился. На меня словно столбняк напал.

— Ладно, — вздохнула завуч, — придется напомнить. Бабушка Архипова испекла этот кулич... пасхальный кулич!.. к религиозному празднику Пасхи.

Я слушал этот стальной голос и вспоминал неясные слухи, которые ходили про Вассу. То ли она памятники Сталину лично сносила, то ли охраняла их от сноса... Об этом говорить сейчас было не принято, так что подробностей никто не знал. Но что она при этом отличилась — это точно.

— Бабушка Архипова, — продолжала завуч, — таким образом пытается...

Васса замолчала, подбирая слова, и ей на помощь пришла пионервожатая:

— Пытается охмурить! И завлечь в сети религиозного дурмана.

Завуч нахмурилась. Ей, преподавательнице русского языка с огромным стажем, что-то не понравилось в словосочетании «сети религиозного дурмана». Но она не стала поправлять Танечку, наоборот, поддержала ее.

— Вот именно!

Завуч и пионервожатая торжественно замолчали. Наверное, чтобы до меня лучше дошло.

Зря старались — до меня уже так дошло, что лучше и быть не может.

— И что ты собираешься делать по этому поводу? — спросила наконец Васса.

Я смог выдать только:

— Мы больше не будем...

Вожатка и завуч закатили глаза так, что сами стали похожи на религиозных старух из какого-то фильма. А потом объяснили мне, что я должен сделать

Синичка

10 апреля 2018 года, день

День в школе не задался с самого начала. Математичка совсем озверела, урок начала с того, что собрала у всех комики. То есть контрольную я писала вообще как без рук: ни тебе с кем поговорить, ни тебе шпор, ни тебе калькулятора. Просто как в доисторические времена! Главное, у многих же есть вторые комики, но как-то не догадались взять их с собой. Да, а потом она вообще учудила, взяла и раздала нам бумажки — это, говорит, контрольная, решайте. Класс аж обалдел. Как, говорим, ее решать?

А она улыбается так ехидно и подсказывает: ручкой пишите на бумажке. И подробное решение каждой задачи. Жуть! Я уже, наверное, полгода ручку вообще в руках не держала. Могу себе представить, что я там наreshала и как это все понаписала. Короче, балла на три, наверное, из десяти...

Так что по сравнению с этой контрольной все остальное было просто семечки. Зато весь день чат гудел. Мы ж даже не можем задания в сетку выложить, никто не сообразил стащить листок, чтоб его отсканировать, а наизусть тоже не запомнишь, и в голову не пришло записать. Мы потом на всех уроках уже из сети не выходили, так и трындели по комикам. На кого ни посмотришь, у всех комики под партами и только пальцы мелькают — набираются сообщения. А в чате было одновременно почти двести человек, это вся параллель пятых классов, и еще любопытные из других повлезали. На переменках только и успевали тему пролистать да на вопросы ответить. Из кабинета в кабинет перейдешь, на парту плюхнешься — и сразу в комик, читать, что там новенького случилось. Прикольно так, в класс заходишь — тишина. И все сидят что-то набирают, набирают... Удобнее, конечно, голосовым набором пользоваться, но не в классе же! Потому что тогда сразу все

узнают твой ник. А этого ну никак допустить нельзя. Ник — это наисекретнейшая информация.

Я знала пару ников. Красавица — это Нинка, Муреха — это Лиза. И еще догадывалась про несколько человек, но не знала наверняка. Ну и то, что я Синичка, — это тоже знали буквально трое. Синичка — потому что фамилия у меня Воробьева. Но если б написала Воробей, все б сразу догадались, что я — это я, написала Синичка. И аватарку нашла такую прикольную — сидит синичка и трюстит сало из кормушки.

Однажды была у нас история — девчонку из седьмого класса рассекретили. Кто-то из подружек взял и написал в сети, что Фиалка — это Кирова из седьмого «А». Ужас... Так ей и пришлось потом в другую школу уйти. Что ж ты можешь написать, если все знают, что это ты! Даже пофлиртовать невозможно, это как взять и кому-то в открытую в любви признаться! Брр...

И мой ник только самые-самые проверенные знают. Мы с ними дружим. Даже один раз вместе в кафе ходили, когда у меня день рождения был. Я про них все-все знаю. Короче, эти точно не сдадут!

Так вот, про день, который не задался. Последний урок у нас — классный час. Приходит наша училка и говорит таким сердитым голосом:

— А ну-ка убрали все телефоны.

Мы аж подпрыгнули. Кто-то даже вслух сказал:

— Вы чё, сговорились все, что ли!

А училка, наша классная, Елена Васильевна как гавкнет:

— Телефоны на стол! И слушайте внимательно, сейчас, можно сказать, ваша судьба решается.

Мы совсем затихли. А она по рядам прошла и комики поотключала. Ну вообще конец света... А потом встала перед классом и прочитала трагическим голосом:

— «Постановление Министерства образования от 3 апреля 2018 года»...

Я коротенько перескажу, своими словами.

В связи с излишней компьютеризацией школьников и для проверки их знаний учредить в конце каждого учебного года экзамены. Оценка выставляется по десятибалльной системе и выносится в аттестат зрелости. Это чтоб, мол, мы все годы хорошо учились, а не только последний класс. Да, но самый-то ужас не в этом, а в том, что экзамены эти будут проходить не в виде тестов, а устно.

— Чего? — спросил кто-то из мальчишек.

Я даже оглянулась, но не поняла, кто спросил, я их вообще плохо различаю.

— Экзамена три, — продолжала Елена Васильевна, — русский язык и литература — устно, математика — письменно, но не на компьютере, а на бумаге, и история — тоже устно. Делается это для того, чтоб вы, современные школьники, научились хоть немного владеть устной речью и писать ручкой по бумаге. Экзамены через три недели.

Класс завис. Так и разошлись в полном ужасе. Я даже до самого дома комик не включила...

Витя

10 апреля 1980 года, вечер

Вечером мне надо было готовиться к политинформации. Как раз шла передача про то, как американские империалисты пытаются сорвать Олимпиаду в Москве, а люди доброй воли им не дают этого сделать. Но я никак не мог сосредоточиться — сидел и думал про Женьку. Он, конечно, неправ, но все равно на душе было противно.

В конце концов я осознал, что ничего не понимаю из рассказа диктора, и выключил телевизор. К ужину придет папа, принесет «Правду» и «Советскую Белоруссию» — перепишу оттуда. Я позвонил Женьке, но трубку подняла бабушка.

— Он уже второй час где-то бегаёт. Ты ему скажи, Витенька, — голос у Женькиной бабушки был скрипучий, но приятный, — чтобы он шел домой. Я волнуюсь! Скоро стемнеет!

Я наскоро пообещал и побежал во двор. То, что пришлось говорить с виновницей всей этой истории, расстроило меня еще больше. Бабушка, конечно, старенькая, лет пятьдесят, а то и все семьдесят, но это ее не оправдывает. Нельзя так подводить родного внука!

Архипыча я пошел искать на нашей груше — той, что возле трансформаторной будки. Даже листьев на ней еще не было, но на дереве так здорово сидеть и болтать ногами! Ветки густые, ты всех видишь, а тебя никто!

— Женька! — крикнул я, подходя. — Слазь, поговорить надо!

С груши послышалось хихиканье. Пришлось лезть самому. Архипыч сидел на самой верхушке, куда я всегда боялся подняться. Когда я был маленьким, еще во втором классе, я навернулся с нижней ветки этой груши и с тех пор жутко боюсь высоты. Сейчас тоже не полез наверх, устроился на любимой ветке в самом центре дерева. Ветка была толстая, надежная и изгибалась очень удобно — как спинка кресла.

— Чего молчишь? — сердито спросил я. — Молчит... Хихикает...

— Здорово, Тарас! — отозвался Женька.

Тарасом звал меня только он, по имени украинского писателя. Мы его еще не проходили, но Женька прочитал половину домашней библиотеки, в том числе и этого Тараса Шевченко. Причем читал бессистемно, все подряд, что под руку попадется. Я так не мог, я читал книги строго по порядку. Пытался даже Большую советскую энциклопедию освоить, но сломался на втором томе. Слишком много незнакомых слов оказалось. Зато Пушкина прочитал всего — от первого тома до последнего. Сейчас начал Гоголя.

Обычно мне нравилось, когда Женька звал меня Тарасом, но сегодня я почему-то обиделся.

— Я не Тарас! Я Виктор!

— Ты чего такой злой, Тарас? — удивился Женька.

— Ничего! — огрызнулся я. — Говорю тебе: слезай, надо поговорить! А ты чего?

— Давай лучше ты ко мне! Тут здорово!

Лезть не хотелось, но пришлось. Разговор был такой, что... В общем, не хотелось о нем кричать на весь двор.

Когда я осторожно уселся на ближайшую к Архипычу ветку, тот завопил:

— Качка! Свистать всех наверх! — и принялся раскачивать верхушку.

Я вцепился в ветку изо всех сил и взмолился:

— Хватит! Сломается!

— Не сломается! — возразил Женька, но «качку» все-таки прекратил. — Так чего ты хотел?

Я стал рассказывать про разговор с вожаткой и завучихой. Чем больше рассказывал, тем мрачнее становился Женька. Да и меня все больше мутило — то ли от высоты, то ли еще от чего. Когда добрался до самого неприятного, пришлось даже замолчать на минутку, а то меня точно стошнило бы.

— И чего они хотят? — спросил Архипыч, и в этот момент голос у него стал такой же скрипучий, как у его бабки.

Я кое-как продышался и ответил:

— Чтобы ты сказал, что Бога нет! Прямо перед всем классом!

— И всё? — Женька сразу повеселел.

— Не всё, — признался я. — Надо, чтобы ты... в общем... сказал, что твоя бабушка неправильно поступила, что дала нам ту булку. И тебе стыдно, что она верит в Бога.

— Ничего мне не стыдно! — опять заскрипел Женька. — Какая разница, верит или не верит? Она хорошая и добрая!

— Это само собой. Но она ведь верит! Значит, тебе должно быть стыдно!

— Глупости это! Не буду я такого говорить!

— Тогда с тобой знаешь что сделают? Из школы выгонят!

— Не выгонят! Я самый умный в классе! Если меня выгонять, то всех остальных тоже гнать надо!

Это было правдой. Архипыч никогда особо не зубрил, но получал одни «пятаки». Я тоже ходил в отличниках, но некоторые пятерки давались мне нелегко. Особенно по русскому языку — ну не мог я написать длинное слово, чтобы не было в нем исправлений! А по рисованию мне четверку вообще только из жалости поставили. Я прямую линию даже по линейке ровно провести не могу. Очень стараюсь, но все без толку. Эх, изобрести бы такую штуку, чтобы она сама линии рисовала! Кнопку нажал — линия, вторую нажал — круг, третью — какой-нибудь хитрый график, как в газете «Правда» на второй странице. А если бы штука еще сама ошибки исправляла... Но это уже, конечно, фантастика.

А вот Женька и математику с русским здорово знает, и по истории все даты помнит, и рисует почти как настоящий художник. Прав он, не выгонят такого хорошего ученика. Да я и сам не верил, когда говорил. Так, припугнуть хотел.

— Ну, ругать будут!

— Пусть ругают! Поругают и отстанут!

Возразить было нечего. Хотя очень хотелось. Я понял, что завидую Женьке. Вот я очень не люблю, когда меня ругают. Не потому, что папа с мамой меня ругают, — честно говоря, они дома редко бывают. Просто не люблю, и все. Тут я вспомнил просьбу бабушки Архипыча.

— А тебя бабушка домой ждет, — мстительно сказал я. — Волнуется.

Женька тут же дернулся, чтобы слезть, но удержался. Только девчонки бегут домой по первому зову. Мы еще немного поболтали, но минут через пять Архипыч небрежно сказал:

— Проголодался я что-то. Пойду перекушу. Пока.

— Пока, — ответил я.

Женька лихо спрыгнул на землю и пошел неровной походкой — как будто ему очень хочется побежать, но надо сдерживаться.

Через пару метров он все-таки не выдержал и припустил бегом. Я залез в середину груши и еще немного посидел. У меня на шее, на одной ленточке с ключом, болтались старые папины часы, так что я мог следить за временем. Папа из своего обкома раньше девяти не придет, мама и того позже — она в вечерней школе работает.

Но скоро стало совсем скучно, и я поплелся домой. Вдруг я сообразил, что не сказал Женьке одну очень важную вещь, похолодел и бросился в подъезд со всех ног.

Как бешеная пуля, я взлетел на свой четвертый этаж, быстро открыл дверь и схватился за телефон. На сей раз трубку взял сам Женька, и это было кстати.

— Ты только никому не говори, что я тебя про собрание предупредил! — выпалил я.

— Почему?

— Мне сказали, чтобы... что это должно стать для тебя...

Я попытался вспомнить слово, которое употребила Васса, но не смог.

— Ну, в общем, неожиданно должно быть!

— Хорошо, не скажу! Пока.

Я положил трубку и немножко посидел. Меня все еще немного подташнивало. Неожиданно входная дверь распахнулась — я даже вздрогнул. На пороге стоял папа, но заходить не спешил.

— Что это? — строго спросил он, указывая на замок с наружной стороны.

Я промолчал. Вопрос, как говорит мама, риторический. В замке торчал мой ключ вместе с ленточкой и привязанными к ней часами.

— Хорошо, что я пораньше домой пришел. — Папа достал ключ из двери, вошел и прикрыл дверь за собой. — А если бы какой-нибудь вор?

По тону было понятно, что папа настроен на долгий разговор про всякие важные вещи. Нужно было срочно что-то делать.

— Извини, папа! Я просто задумался, мне завтра про бойкот Олимпиады на политинформации надо рассказать, а я не все понимаю.

Папа сам заядлый рыбак, но тут он клюнул не хуже какого-нибудь ерша.

— А что там не понимать? — Он сел в кресло, отложил ключ в сторону и принялся снимать ботинки.

— Ну вот почему США не хотят ехать на Олимпиаду? Боятся проиграть?

— Да нет, — усмехнулся папа, — тут все сложнее. Помнишь, мы про холодную войну говорили?

Я кивнул. От сердца отлегло — папа пошел по новым рельсам.

— Так вот, в этой войне все средства хороши...

Синичка

11 апреля 2018 года

Следующий день прошел в кошмаре. В чате творилось что-то невообразимое, сканировались и скачивались разные экзаменационные билеты чуть ли не двадцатилетней давности, ответы к ним, а толку?

Вызывает меня историк:

— Воробьева, к доске!

— Куда?

— К доске. А ты что думала? А на экзамене как ты отвечать будешь?

Я встала и пошла к доске. Жуть как мне было страшно.

— Телефон положи!

— Что?

Только тут я обратила внимание, что сжимаю в руке комик, как спасательный круг.

— Положи, положи, — сказал историк. — Он тебе не понадобится.

Я оставила комик на парте и поняла, что чувствую себя раздетой. Стою одна, на меня смотрит класс. Кто эти люди? Что я о них знаю?

— Ну, давай тяни билет, — говорит историк.

— Что? — У меня от ужаса во рту пересохло.

Смотрю, а у него на столе бумажки какие-то разложены. Я вытянула первую попавшуюся, прочитала вопросы.

— Ну, рассказывай.

И тут я поняла, что никогда в жизни не сдам этот экзамен. Я помню параграф учебника, я помню вопросы в конце, я помню, мы на компах самостоятельно делали, и помню, что в первом вопросе правильный ответ первый, а третий вопрос самый сложный, и там правильного ответа нет, нужно поставить галочку в клеточке «нет верного ответа». Но я вообще не помню, о чем там речь! Что-то про греков, что-то про Геракла... Он был крутой. Всё.

Я беспомощно смотрела на учителя. Учитель выжидающе смотрел на меня. В классе стояла тишина. Такая, как в наушниках, когда ничего не играет. Мертвая, ватная тишина. Я попятилась к доске, мне очень захотелось сейчас сказатьсь больной. Упасть в обморок, забиться в судорогах... Но я отстояла молча еще пару минут. Историк сжалился:

— Ладно, давай сделаем так. Ты сейчас возьмешь учебник и прочитаешь пункт параграфа. А потом перескажешь, хорошо?

Я кивнула и на несгибающихся ногах потащилась за учебником. Прочитала. В голове не отложилось ничего, я все время думала о том, что мне сейчас придется опять идти к доске и стоять перед лицом всего класса. Хотелось плакать.

Историк еще раз сжалился и попросил меня просто прочитать параграф вслух. Прочла хриплым шепотом, все время сбиваясь.

Бедный историк аж вспотел, пока я дочитала, а я совсем из сил выбилась.

Я замолчала, в классе повисла тишина, историк прокашлялся и сказал:

— Так, все еще хуже, чем я думал. Но экзамен вам сдавать все равно придется. На положительную оценку вам нужно сказать буквально десять связных предложений. Неужели это так сложно?

Класс молчал.

— Ну вы же общаетесь между собой как-то! Разговариваете...

И тут раздался робкий голос с задней парты:

— Мы не разговариваем, мы пишем.

Все обернулись назад. Голос подал мелкий пацанчик, кажется, его зовут Дима. Он такой тихий, что его и не замечал никто до этой реплики.

— Пишете? — переспросил историк. — Ну так представь себе, что пишешь, и говори. Давай попробуй! Расскажи нам про культуру Древней Греции.

Дима встал и тихо начал:

— У древних греков была хорошо развита культура... Они любили музыку... У них еще был Орфей... Он пел...

Историк страдальчески закатил глаза.

— Ну это, конечно, лучше, чем просто молчать, но почему такие паузы между предложениями?

Дима насупился и прошептал:

— Там смайлики...

— Что? — обалдел историк.

— Смайлики там. Вы ж сказали говорить как пишешь, вот я их и пропускаю...

Историк схватился за голову.

— Да... Все не плохо, все очень плохо! Так, запоминайте домашнее задание. Взять любой отрывок из учебника и внятно пересказать его родителям. Понятно? Ваши родители должны еще помнить, как это делается. И читать вслух. Пять страниц каждый вечер.

Тут прозвенел звонок.

— Всё, — сказал измученный историк. — Все свободны.

Мы разошлись писать в чат эти неутешительные новости.

Витя

11 апреля 1980 года

Назавтра была суббота, и я почувствовал, что заболеваю. У меня всегда так: в начале недели начинается что-то нить внутри, к пятнице вечером ломается, в субботу я заболеваю, а к вечеру воскресенья прихожу в себя.

— Вот какой дисциплинированный организм! — смеется папа. — Только в выходные болеет!

На самом деле только в выходные болеть и надо. Какой смысл валяться в постели в рабочий день? Никто чаю с малиной не сделает, никто не пожалеет, никто температуру не померяет. Вот хорошо Женьке, у него теперь бабушка дома живет. Болей не хочу!

Вспомнил Женькину бабушку, и захотелось заболеть, не дожидаясь завтра. Я несколько раз кашлянул, попросил маму потрогать мой лоб — без толку. Никакой температуры или ангины пока не наблюдалось. Пришлось идти в школу.

Все пять уроков я отсидел тихо, как мышь под метлой. Женька, как верный друг и сосед по парте, пытался меня развеселить, но получалось еще хуже. Даже когда он очень ловко попал Ирке Воронько жеваной бумагой за шиворот, я не оценил. А ведь Ирка как раз стояла у доски, бумажка закатилась ей между лопаток, и она очень смешно дергалась, разозлив математичку.

— Ты чего? — спросил Женька на большой перемене, когда я отказался идти в буфет есть булочки с изюмом.

— Так... Просто...

— Так просто на носу короста!

Архипыч смотрел на меня победно, но я насупился еще больше. Мне все казалось, что вот-вот появится старшая пионервожатая или завучиха и начнет пилить Женьку.

Только к концу пятого урока расслабился, даже рассказал Архипычу очень смешной анекдот про Чапаева. Он аж согнулся пополам, чтобы не хохотать в голос. Залез под парту и хрюкал оттуда. Я, глядя на него, тоже принялся хрюкать. Классуха выгнала нас обоих успокоиться в коридор...

Короче, все складывалось как нельзя лучше. Я уже начал верить, что Васса и Танечка махнули рукой на всю эту историю. На них ведь целая школа, что им какой-то Женька со своим пирогом!

Но радовался я рано. Когда прозвенел звонок, мы с Женькой вернулись в класс, но не успели собрать портфели, как появилась Васса в сопровождении вожатки. Они решительно загнали назад всех, кто уже успел выйти, и объявили, что сейчас состоится внеплановый классный час. Классуха очень удивилась, но промолчала.

Мы расселись по местам. Все недоуменно таращились на завучиху, и только я знал, что сейчас будет. Знал и все-таки повторял про себя: «Только не это! Только не это!»

Случилось именно «это». Васса стальным голосом сообщила, что в классе произошло ЧП, о котором сейчас расскажет председатель совета отряда. Я вышел к доске на ватных ногах, развернулся к классу и, старательно глядя на шкафы у противоположной стены кабинета, произнес:

— Недавно пионер нашего отряда...

Тут я забуксовал, потому что вдруг забыл Женькину фамилию. Не мог же я сказать «Женька» или «Архипыч»! На помощь пришла Танечка:

— Евгений Архипов...

Я продолжил буксовать, потому что теперь не мог понять, кто такой Евгений Архипов.

— Продолжай, Шевченко, — лязгнула Васса, и я тут же снялся с тормоза.

Старательно рассказал все то, что должен был рассказать: про кулич, про бабушку и про религиозные праздники, которые пионерам праздновать стыдно. Старался повторять буквально все фразы, которые вчера мне диктовали в кабинете завуча.

Кажется, не ошибся, потому что, когда заговорила Танечка, в ее голосе слышалось одобрение:

— Вот видите, ребята, это вопиющий случай. И очень хорошо, что вы все его осуждаете.

Она выждала паузу. Класс молчал. Конечно, все осуждали, но еще больше все ждали, когда их наконец отпустят домой.

— Я думаю, — продолжила вожатая, — что и Женя сам осознал, как нехорошо он поступил. Архипов, выйди к доске!

Женька вышел к доске как-то странно, словно вдруг стал деревянным. И встал не рядом со мной, в центре, а как-то с краю. Мы стояли перед классом, как пионеры-герои перед фашистами.

— Ну, Архипов, — сказала Танечка, — что ты скажешь по этому поводу?

Женька молчал.

— Ты ведь осуждаешь свою бабушку, правда? — подсказала Танечка.

— Не осуждаю! — неожиданно громко ответил Архипыч.

— То есть как — не осуждаешь? — в голосе вожатки появились панические нотки.

Васса почуяла это и вступила в бой сама:

— Она ведь пыталась отравить вас ядом религии! Конечно, ты осуждаешь старую... не очень умную женщину.

— Сами вы... старая женщина!

Стало тихо-тихо.

Я покосился на Вассу и вожатку. Они смотрели на Архипыча, как будто ждали продолжения. Или, наоборот, ждали, что сейчас проснутся. Я бросил взгляд на Женьку и только теперь увидел, какое у него выражение лица. Пожалуй, только он и был похож на пионера-героя: губы сжаты, смотрит прямо в глаза Вассе... И кулаки тоже сжаты. Ему еще по гранате в каждую руку — вообще Марат Казей.

Женька подождал немного, но никто больше не произнес ни слова. Тогда он все той же деревянной походкой вернулся на место, взял портфель и вышел из класса.

— Так, — сказала завучиха.

Если до этого было тихо, то теперь стало вообще беззвучно. Как будто воздух превратился в прозрачную, но плотную вату. Все ждали, что Васса разразится гневной речью, но она сказала только:

— Все свободны. Шевченко, останься.

Когда все разошлись (в полном молчании, как будто оно к ним прилипло), Васса сказала классной:

— Архипова нужно исключать.

— Из школы? — деловито спросила Танечка.

— Для начала — из пионеров.

— Тамара Васильевна, — вдруг сказала классная, — я бы хотела с вами поговорить.

Только теперь я обратил внимание на классуху. Наташа Алексеевна у нас молодая, всего два года как из института, но нормальная. И пару влепить может, и неуд за поведение, но всегда дает шанс исправить. И всегда очень спокойная.

Сейчас Наташа спокойной не была — сидела и кусала губы.

— Говорите.

— Если можно, не в присутствии Вити.

— Шевченко, подожди пока в коридоре.

Я с радостью подчинился. Уселся с ногами на подоконник, хотя это в нашей школе строжайше запрещено. Наверное, мне нужно было сделать что-то запрещенное, чтобы хоть немного успокоиться. Сидел

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.